

Больно только когда смеюсь

Автор:

Дина Рубина

Больно только когда смеюсь

Дина Ильинична Рубина

«Не относитесь так серьезно к литературным текстам, это не боговдохновенная Библия. Мало ли что писателю взбредет в голову вспомнить! – Хороший писатель всегда врун в самом ослепительном смысле этого слова. К тому же я отношусь к тому роду людей, которые любят свое настоящее, а не прошлое. И детство и юность у меня были трудны. И когда все это трепетное барахло осталось в прошлом, я вздохнула полной грудью и поняла, что ничем не обязана самой себе – своим воспоминаниям, детским привязанностям, детским мечтам».

Дина Рубина

Больно только когда смеюсь

© Д. Рубина, 2021

© Стоцкая Ю., оформление переплета, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Внесезонная книжка

Искусство повествователя заключается в том, чтобы скрывать от слушателей все, что им хочется знать, пока вы не изложите своих заветных взглядов на всевозможные не относящиеся к делу предметы.

О. Генри. «Короли и капуста»

У меня рухнул компьютер. Причем не в переносном смысле (многие, как известно, используют это слово, когда выходит из строя что-то важное внутри гениальной машины), а в самом буквальном. Рухнул со стола, куда его «на минутку» водрузили арабские рабочие. Они пытались красить потолок в моем кабинете – между третьей молитвой и двадцать третьей чашечкой кофе.

Я примчалась на грохот, увидела останки боевого товарища и пронзительно закричала, как певцы расппеваются: на «а-а-а-а». Просто я не знаю достаточно выразительных арабских ругательств. На мой душераздирающий крик явился муж и, убедившись, что очередной жертвой террора стала не я сама, а всего лишь «железный ящик», сказал: все к лучшему, хорошая примета, давно пора купить новый.

– Новый?! – расвирепела я. – А новую жену тебе не пора присмотреть?!

И наутро под мои причитания мы поволокли компьютер в ремонтную мастерскую.

Там десятилетний на вид подросток проникновенно объяснил, что подобногохлама давненько не видал, что на таких утюгах никто уже не работает и разумнее всего просто подарить его арабским старьевщикам.

– Подарить старьевщикам?! – ахнула я. – Там внутри все мои книги!!!

– О'кей, – невозмутимо отозвался паренек. – Ваши книги я вам вытащу.

И гениальный Саша, не такой уж и малолетний, каким показался в первую минуту, виртуозно извлек из железной могилы все мои тексты.

- Вот тут папка «Мессия» – что это? – меланхолично спрашивал он, глядя в экран. – Выбрасываем-не?

- Это роман! – вскидывалась я. – Роман «Вот идет Мессия!..». Переведен на кучу языков! включен в энциклопедии и словари! награжден премиями! изучается в...!

- О'кей... – говорил Саша покладисто и переносил текст романа-повести-рассказа в «спасательную шлюпку» съемного диска, чтобы затем внедрить в память новенького, умопомрачительно элегантного компьютера, уже стоящего перед нами на столе.

Постепенно весь мой творческий багаж – после привычного «выбрасываем-не?» и моего ответного панического вскрика – благополучно перекочевал в новую обитель. В разбитом теле старого компьютера еще оставалась всякая чепуха. Так в пустом доме, из которого вывезли мебель, по углам валяются кучки всякого ненужного сора: огрызки карандашей, крышка от баночки, обрывок ленты, прошлогодняя открытка...

- И последняя папка, – сказал Саша. – «Интервью». Выбрасываем-не?

- Выбрасывайте, – я с облегчением махнула рукой. В этой папке хранились мои ответы на вопросы многих журналистов, корреспондентов, обозревателей литературных отделов газет, журналов, альманахов... – за много лет. Ну, в самом деле, к чему хранить это старье? Кому нужны мои стародавние рассуждения о месте писателя в современном мире?

Саша кивнул и привычно подвел мышку к значку «удалить». Все-таки странная судьба у этих электронных текстов, подумала я. Жалкая судьба. Они не горят, а просто – щелк! – и бесследно исчезают. Как слова, которые без следа растворяются в эфире.

- Погодите, – сказала я.

Мне вспомнились не то чтобы все эти люди, которые задавали свои вопросы – доброжелательные и с подковыркой, интересные и не очень, оригинальные и привычные, как небо над головой... Все они спустя много лет слились в моей памяти в одного большого читателя, с которым я говорила, шутила, спорила, которому возражала...

Может, оставить на всякий случай, подумала я и вспомнила, как однажды доказывала настырному журналисту, что писатель интересен читающей публике своими книгами, а не рассуждениями.

– Где вы видели хорошо говорящего писателя? – спрашивала я. – Мы по определению люди письменной культуры, одинокие волки, молчаливые буки. Особенно прозаики. Настоящий прозаик, как правило, косноязычен.

– Ну почему же? – весело возражал журналист. – Вы, например, совсем неплохо треплетесь.

– Знаете, Саша, – сказала я компьютерному гению и даже придержала его руку на мышке. – Оставьте-ка мне и это барахло.

Так началась история книги. Той, которую вы держите в руках.

Началась не сразу, а после целого года тяжелой работы над новым романом – ежедневной каторги, не оставляющей сил ни на что другое. И когда она завершилась и готовая рукопись романа была отослана в издательство, я осталась бродить в тишине квартиры, как всегда после окончания огромной работы: истощенная, со звенящей головой и глубоким дуплом в области диафрагмы.

Вяло сидела перед экраном компьютера, прогуливаясь по новостям в Интернете, перебирая огрызки текстов, не вошедшие в работу. Наткнулась и на старую папку с сотнями интервью.

Были там те, что вышли много лет назад, и те, что я давала накануне, в преддверии выхода нового романа. Были суховатые по тону – для «серьезных» изданий, и легкие, даже легкомысленные – предновогодние, например: когда

вдруг тебе звонят из знакомой газеты и умоляют «быстренько и юморно ответить на парочку вопросов!»...

Я листала и листала эти электронные страницы долгих разговоров с такими разными собеседниками, разговоров, что перемежаются обычной «трепотней», а то и картинками, вроде той, увиденной мною на одесском пляже, где маленький мальчик с обиженным лицом стоял у самой кромки воды и громко виртуозно сквернословил вслед лодке, в которой отплывала с друзьями его старшая сестра.

(Я и сама не последний человек по части крепких слов, но никогда еще не встречала столь совершенного владения предметом в столь юном возрасте.)

А из-под грибка неподалеку его лениво окликал молодой атлетический папаша:

– Рудольф! Ты почему бранишься? Тебе разрешили?!

Я вдруг поняла, что перед моими глазами вместе со страницами вопросов и ответов проносится жизнь. Жизнь, какая она есть: и серьезная, и трагическая, и занимательная, и смешная. Достойная того, чтобы просто быть.

Да это же книга, подумала я. Это – тоже книга. Надо только перевероршить застывшую в вопросах-ответах жизнь, встряхнуть как следует, сдуть пыль, кое-где отпарить, кое-где подштопать, отгладить уголки... – будет как новенькая! Вернее, будет она такой, какой я захочу ее вспомнить – со всеми байками, персонажами, воспоминаниями, картинками по теме...

И принялась я перебирать ее и перетряхивать – эту свою нечаянную, необязательную, межроманную, внесезонную книжку...

Дина Рубина

Перед проблемой писательского творчества психоанализ слагает оружие.

Глава 1. «Балшой савецкий литратура»

Я никогда не раздумываю – о чем сейчас буду писать. Просто беру перо и пишу. Я писатель. Я должен знать свое ремесло. Вот передо мной бумага: я словно клоун на трамплине. И потом, я хорошо знаю синтаксис. Я бросаю фразы в воздух, словно кошек, и уверен, что они встанут на свои лапки. Это очень просто, нужно только знать синтаксис.

Теофиль Готье

– Дина Ильинична, в русском народном сознании статус писателя всегда был чрезвычайно высок. Не буду цитировать известное: «Поэт в России больше, чем поэт...» Прозаики – вспомним Толстого, Достоевского – давали жизнь общественным движениям, влияли на общественное сознание. Как Вы оцениваете место писателя в современном мире?

– Можно для начала я спихну вас с высокой темы? Знаете, вот как летом на речке пацаны: ты стоишь на вышке, весь в пупырышках, собираешь силенки и мужество, чтобы прыгнуть «ласточкой», а сзади к тебе уже подкрался дружок и ка-ак даст пенделя! И ты летишь в воду под общий хохот – уж как получится, иногда сверкая задницей.

Бог с ним, с этим высоким насестом, на котором восседает – или восседал – русский писатель. Кстати, не помню, кто – кажется, Генрих Белль – говорил, что место писателя в западном обществе помещается, конечно, выше статуса дрессированного тюленя, но значительно ниже статуса уличного акробата.

По поводу общественного, то бишь народного сознания, на которое как бы «влияли» писатели: это пресловутое сознание на любое влияние всегда имело свой, подчас довольно скабресный ответ – какие-нибудь неприличные частушки, поговорки, песенки. Помните:

«Писателя храфа Толстова-а

я есть незаконнорожденный вну-у-ук.

Подайте мне что-нибудь та-ко-ва-а

из ваших ма-азо-листных ру-ук...»

Или:

«А нужник те кто будет чистить – Пушкин?»

Знаете, что такое – писатель?

Однажды в начале 2000-х в Москву приехал некий французский литератор по имени Жан Бло. На деле-то его звали просто: Александр Блок. Очень уже старый человек был, за девяносто лет. В начале прошлого века его родители эмигрировали из России во Францию. И когда мальчик подрос и, как положено, принялся рифмы лепить, он обнаружил, что некто под именем Александр Блок стихи уже писал, и неплохие стихи. Тогда юноша взял псевдоним, вполне французский. Но русский язык не забыл, во всяком случае, очень достойно выступал на нем перед публикой.

Между прочим, рассказывал:

– Когда я был маленьким, то ходил с отцом в кафе и очень там скучал. Отец разговаривал с какими-то взрослыми дядями, а я скучал, скучал... И только будучи взрослым, понял, что то были – Бунин, Набоков, Алданов... А тогда я страшно скучал.

И вот из зала ему задали примерно тот же вопрос, что-то такое о месте писателя в современном мире. Жан Бло улыбнулся и сказал:

– Друзья мои, давайте вместо заумных рассуждений я просто расскажу вам притчу:

Дело происходит на Бруклинском мосту. Начало двадцатого века.

Сидит слепой нищий и держит в руках картонку, на которой написано: «Подайте слепому!» К нему подходит молодой писатель и спрашивает:

- Ну и много ли тебе перепадает?

- Два-три доллара в день, - уныло отвечает слепец.

- Дай-ка мне твою картонку! - говорит писатель, достает карандаш, что-то пишет на оборотной стороне слезливого воззвания и отдает нищему: - Теперь будешь держать ее вот так!

Проходит месяц, другой... Снова появляется молодой писатель на Бруклинском мосту, подходит к слепому нищему:

- Ну, сколько сейчас тебе подают?

Тот узнал его голос, страшно обрадовался, за руку схватил:

- Слушай, слушай! Теперь я имею двадцать-тридцать долларов в день! Скажи, что ты там такое написал?!

- Все очень просто, - ответил молодой человек, который мог лишь мечтать о таких гонорарах. - Я написал: «Придет весна, а я ее не увижу...»

Вот и все. Магия слова; неуловимое, необъяснимое очарование фразы, поставленной в нужное место. В конце концов обаяние и масштаб личности. Ну и владение ситуацией, талант мгновенного включения в игру, умение перевоплощать жизнь - в литературу. Ведь у писателя иное, чем у других людей, устройство психики. Писатель с рождения видит мир иначе, чем остальные. Он посторонний в нем: не живет, а наблюдает. Вы смотрите на пейзаж с моего балкона и видите россыпь огней, среди которых выделяется яркий зеленый фонарь на башенке минарета вдали. А я смотрю на тот же

пейзаж, и на подсознательном уровне отмечаю: «зеленый хищный глаз минарета». Набоков писал: «...если уйдет чародей и останется только рассказчик и учитель, мы очутимся в неинтересной компании».

– «Есть три причины, – утверждал Квентин Крисп, – по которым становятся писателем. Первая: вам нужны деньги; вторая: вы хотите сказать миру что-то важное; третья: вы не знаете, чем занять себя долгими зимними вечерами».

– Очевидно, в моем случае имела место четвертая причина – бессознательное стремление заполнить лист бумаги буквами, словами, строчками. Я начала писать так рано, когда деньги были мне еще не нужны, ну, по крайности – рубль на кино; когда сказать миру мне было еще совершенно нечего и когда длинные зимние вечера были для меня книжной выдумкой, ведь я родилась и росла под жарким солнцем Ташкента.

Я просто бесконечно писала, вместо того чтобы готовиться к контрольным по математике, а мама выбрасывала эту писанину. Вообще, писатель у нас начинается с сопротивления – себе самому, семье, обществу, обстоятельствам. Так что высказывания далеких великих не очень подходят. Другая сцена, другое освещение; и, как говорила моя бабушка – другое питание.

– Буквально лет тридцать назад опытный читатель всегда знал – за какой книгой охотиться, искать в букинистических, выстаивать очередь в книжном магазине... Сейчас человеку немудрено растеряться в океане книг. А писателю нелегко в этом океане выплыть, подать читателю знак: вот он я, вот моя книга, купи ее, прочитай! Как по-Вашему, какая характерная черта литературного дарования привлекает внимание читателей к творчеству того или другого прозаика?

– Артистизм. Сегодня в прозе побеждает артист.

Знаете, на протяжении многих лет мне приходится зарабатывать на хлеб выступлениями перед читателями. И каждый раз, когда я выхожу на публику, вижу новые лица, незнакомые глаза – еще аморфную массу, которую мне только предстоит завоевать... я неизменно вспоминаю одного человека, с которым судьба меня свела на короткое время семинара молодых драматургов году в 1979-м – в Доме творчества писателей в Пицунде. Это была Инна Люциановна

Вишневская, известный советский театровед.

Ее хотелось назвать Инной Люциферовной... такой у нее был острый, беспощадный язык. Вела она курс по истории русского театра в Литературном институте имени Горького.

Традиционно начинался этот курс с лекции о жизни и творчестве Станиславского.

На соседнем потоке точно такой же курс вела ее приятельница, человек, наоборот, спокойный, размеренный, даже слегка занудный в своей невозмутимости. И вот эта дама однажды спрашивает Вишневскую:

– Почему, Инночка, эти паразиты сидят у тебя в полной тишине, внимая каждому твоему слову, а у меня они играют в морской бой, жрут тайком бутерброды и целуются на заднем ряду?

– А как ты начинаешь лекцию? – спрашивает И.Л.

– Ну, это же начало учебного года! Я вхожу в аудиторию в новом костюме, с новой стрижкой... Торжественно поздравляю всех с началом нового учебного года. Объявляю курс: «История русского театра», заявляю тему лекции. И начинаю: «Великий русский режиссер Константин Сергеевич Станиславский родился в таком-то году...»

– Видишь ли, – вздохнув, перебивает ее Инна Люциановна. – Я-то бегу с рынка, взмыленная, в руках у меня – авоська с подтекающей курицей; я врываюсь в класс в последнюю минуту, вешаю авоську на стул, оборачиваюсь к аудитории и говорю:

– Ну, все вы, конечно, знаете, что Станиславский жил с Немировичем-Данченко...

В тот же миг воцаряется гробовая тишина; все студенты, как один, умолкают и буквально впиваются в меня взглядами. Тогда я спокойно продолжаю:

– Великий русский режиссер Константин Сергеевич Станиславский родился в таком-то году...

И далее в полнейшей тишине читаю не только эту лекцию, но и весь курс – до конца учебного года.

В этом месте своего рассказа Инна Люциановна сделала коротенькую паузу и сказала мне:

– Понимаешь? Когда бы и где бы ты ни вышла на публику, ты должна немедленно взять их за шкуру. В первое же мгновение. Во второе – будет поздно. А когда они уже твои, можешь читать им телефонную книгу или правила противопожарной безопасности.

– Вы хотите сказать – чтобы завоевать внимание читателей, литератор до известной степени должен быть трюкачом?

– Он во что бы то ни стало должен владеть ситуацией, иными словами, должен постоянно держать внимание читателя. Возможно, кто-то назовет это трюкачеством. А кто-то с восхищением будет следить за стремительным развитием сюжета... Разумеется, литературное произведение – это не лекция, а сложная художественная структура. Между прочим, этот поистине лоцманский талант лавирования пригождается в литературе точно так же, как и в жизни.

И на эту тему вот вам еще одна история с другим уже писателем.

Обозначим его К.

Картинка по теме:

В семидесятых годах К. – по совсем другой, не литературной, а дипломатической линии – работал в Вене. Слишком себя не обременял, вел довольно свободный образ жизни, закрутил интрижку с австрийской баронессой. Муж баронессы – само собой, барон – был не только одним из богатейших виноделов, но и великим

дегустатором вин. Однажды баронесса решила пригласить своего возлюбленного К. на обед, в родовой замок барона. А чтобы К. не выглядел на обеде парнягой из ростовской подворотни, с «Солнцедаром» за пазухой (он, между нами говоря, был именно что парнягой из ростовской подворотни), баронесса раскрыла ему главный секрет мужа: на обеденный стол барон собирался выставить бутылку розового лафита «Ротшильд», урожая 1929 года, августа месяца.

И вот К. подъезжает на такси к замку, долго идет по подъездной аллее, на ступенях его встречает дворецкий и провожает длинной анфиладой залов, мимо бесчисленных портретов родовитых предков барона... Наконец вводит в столовую, где уже накрыт обеденный стол. Сервировка соответствующая – старинное фамильное серебро, севрский фарфор XVIII века...

Появляется барон и торжественно ставит на стол чуть запыленную бутылку вина. Тут уместно объяснить, в чем ценность конкретно этого розлива. Дело в том, что именно в августе 29-го года была какая-то особенно подходящая для виноградников погода, и над каким-то там восточным склоном главного виноградного холма на реке Мозель солнце, скажем так, стояло на полторы минуты дольше, чем обычно, – отчего изготовленное из данного винограда вино обладает каким-то особым вкусом, отличить и расчувствовать который под силу лишь узкому кругу избранных дегустаторов.

Словом, бутылок этого урожая в мире осталось пять-шесть. Одна, скажем, в подвалах Ватикана, вторая, предположим, у какого-нибудь эмира, третья – в винном погребе поместья принца Уэльского... А четвертую, вообразим наконец и такое, – приобрел сам барон на одном закрытом аукционе вин.

И вот он сам, отстранив лакея плавным движением подбородка, торжественно раскупоривает бутылку и наливает вино в бокалы.

К. отпивает глоток... и одобрительно произносит:

– Хм!.. Розовый лафит?

Лицо барона расплывается в улыбке. Сюрприз. Он видит, что гость баронессы – человек, разбирающийся в винах. Это хозяину приятно...

К. отпивает второй глоток. Задумчиво вытягивает губы трубочкой, причмокивает...

- «Ротшильд»? - добавляет он.

Барон в восторге. Он изумлен. Тихо аплодирует. Однако лицо его озаряется явной тревогой: неужели К. - специалист, дегустатор, под стать ему, барону?

Наступает напряженная пауза. Встревоженные предки винодела внимательно следят из золоченых рам за развитием сюжета... К. отпивает еще вина, держит во рту... замирает... Осторожно произносит:

- Похоже... двадцать... девятый год?

Барон становится аполлексического цвета. Еще мгновение, и он упадет в обморок!

И наш К. понимает, что старика сейчас хватит удар. Тогда он быстро отпивает еще глоток уникального вина и великодушно выпаливает:

- Июль!

Кровь отливает от щек барона. Он набирает в грудь воздуху и кричит, топая ногами:

- Август! Август!!! А-а-а-в-гу-у-уст!!!

- Вы эту историю придумали?

- Нет. Только чуть олитературила. Это и есть владение игровой ситуацией. Тот самый рычаг, ручка которого, по замечательному определению Бабеля, должна всегда находиться в руке профессионала и обогреться.

- Где Вы берете сюжеты своих книг?

- Самый распространенный вопрос, и труднее всего на него ответить. Иногда хочется сказать: где наклонилась, там и подобрала. Но это и правда, и неправда. О чем бы ни рассказывал писатель, история его жизни и история его души – единственный сюжет, который он пишет, пока дышит. И уверяю вас, не шутя: есть писатели, которые много бы отдали за возможность описать свои похороны.

- А когда писатель может сказать себе наконец, что стал абсолютным профессионалом? В тридцать лет? Пятьдесят? Восемьдесят? Мастерство вообще – оно зависит от возраста? Тогда Вы просто – извините – патриарх, ведь Вы очень рано стали публиковаться?

- В шестнадцать лет. То есть не слишком далеко от того возраста, когда отучаются от соски и приучаются к горшку.

- И как-то сразу, если не ошибаюсь, стали известны?

- Да, это была такая общегородская слава, с плавным переходом в славу всенародную, меднотрубную. И ничего удивительного – журнал «Юность» был самым тиражным в Советском Союзе литературным журналом. Мне и сейчас приходится втолковывать разным славистам и западным журналистам, что произнесенная мною цифра тиража «Юности», три миллиона, – это не плохой мой английский, не оговорка и не хвастовство. На меня подозрительно смотрят, осторожно поправляют – три тысячи?

- Нет, – терпеливо повторяю я. – Три миллиона экземпляров.

- Э-э-э... – деликатно жуют губами мои собеседники. – Вы хотите сказать – ТРИДЦАТЬ тысяч?!

- Миллиона, – раздраженно говорю я. – Три!

- Как?! Неужто ТРИСТА тысяч?!

Так что кроме «гражданских лиц» меня читали уголовники, моряки и солдаты – вы только представьте в реальности этот безумный тираж, который помимо подписчиков, библиотек, университетов-школ и детских садов распределялся по тюрьмам, воинским частям и кораблям Военно-морского флота. А ведь публикация в журнале «Юность» – в отличие от, скажем, «Нового мира» или «Знамени» – предварялась фотографией автора.

Я немедленно стала получать страстные письма! Какой-нибудь Коля Петров по кличке Чекушка, осужденный за пьяную драку с нанесением тяжелых телесных повреждений, писал, что освободится через полгода, приедет, и тогда мы сможем пожениться.

Раза три перед подъездом школы меня ждали бритоголовые личности с вялым букетиком ромашек в руках. Словом, это была настоящая народная слава.

Долго меня папа в школу провожал...

– А как Вы угодили в «Юность»?

– Да по наглости провинциальной... Я строчила рассказы всегда, сколько себя помню, лет, по-моему, с девяти. Нет, даже раньше. Мама, историк, серьезный педагог, классный руководитель старших классов, время от времени в сердцах выбрасывала мою писанину: математикой же надо заниматься, а я на уроках сижу, ни черта не слышу, подпольно в тетрадках что-то строчу. Вообще была кошмарной ученицей.

Однажды мне в руки попался журнал «Юность», в котором, помнится, был опубликован рассказ шестнадцатилетней Наташи Хмелик. И я резонно подумала: «Хм, ей можно, а мне нельзя?» Под рукой у меня оказался какой-то мой рассказик, я запечатала его в конверт и бросила в почтовый ящик. После чего напрочь забыла об этом честолюбивом порыве.

А рассказ попал в руки Виктору Славкину, редактору отдела «Зеленый портфель» – туда отдел писем отфутболивал все «мелочи». И Виктор, вместо того чтобы выбросить исписанные моим ужасным почерком листки (редактор ведь не обязан ломать глаза, разбирая каракули), прочитал их и стал ходить по комнатам редакции. «Ребята, – говорил он, – послушайте, какой смешной

рассказик прислала девочка из Ташкента». И зачитывал вслух. И все слушали и смеялись.

А я в очередной раз сбежала с уроков, я регулярно убегала из школы куда глаза глядят – чаще всего в зоопарк по соседству. Там возле клетки с обезьянами стояла в тени удобная скамейка, на которой можно было дивно провести целый день, созерцая прыжки наших братьев меньших. Но именно в тот роковой день мы улизнули с уроков вдвоем с одноклассником, Сенькой Плоткиным. И не в зоопарк. В кинотеатре повторного фильма неподалеку от школы крутили какой-то старый ковбойский фильм.

Надо сказать, в качестве подельника Сенька был крайне неудобен – он играл на виолончели и всюду таскал за собой эту бандуру. Вы спросите – ну и что? А вот что: когда Сенька сидел в маленьком «домашнем» кинозале нашего старого кинотеатра, то гриф виолончели, поставленной между колен – девать-то ее больше некуда, – отбрасывал тень на экран. Вы опять спросите – ну и что? – и я опять отвечу: дело в том, что наша классная руководительница по кличке Баба Лиза, недосчитавшись учеников в классе, частенько являлась прямо в кинозал – отлавливать своих кроликов и конвоировать их в школу. Тень на экране от грифа Сенькиной виолончели выдавала нас с головой. Короче, сбежать с Сенькой в кино было все равно что бежать из зоны с хромым и слепым – лучше съесть его по дороге.

Так вот... да, кажется, это был «Лимонадный Джо»: стрельба, пиф-паф, крепкие белые зубы ковбоя, лошади скачут, лассо свистит... Лента старая, часто рвется, порой пропадает звук, тогда мы топаем и свистим – словом, замечательное времяпровождение для мальчика и девочки из спецмузшколы для одаренных детей.

И на какой-нибудь двадцатой минуте фильма лихой ковбой распахивает ногой окно, вскакивает на подоконник... В каждой руке по «смит-вессону». Направляет на зрителей дула... В ту же секунду обрывается звук, и ковбой кричит голосом Бабы Лизы: «Рубина и Плоткин, вон из зала!»...

Так что можете представить, с каким настроением я плелась тем вечером домой.

Открывает мне папа с мрачным значительным лицом и говорит: «Ну, допрыгалась?»»

И я, абсолютно уверенная, что у нас уже побывала с душевной беседой Баба Лиза, прямо с порога заверещала:

– Пап-пап-пап!!! Я чессс слово!!! Больше никогда... никогда-никогда не повторится!

А помните, герой фильма Рязанова «Берегись автомобиля!» Юрий Деточкин – его Смоктуновский играл – в очередной раз угоняет машину, продает ее, деньги переводит детскому дому, а когда возвращается назад в Москву, то прямо на вокзале заходит в телефонную будку и звонит домой (он с мамой живет): «Мама, как дела? Никто не приходил?» И мама ему в ответ: «Ты допрыгался, к тебе приходил следователь из уголовного розыска».

Так и папа, переждал мои вопли и говорит: «Ты допрыгалась, тебе пришел конверт из казенного ведомства».

На конверте и вправду штамп серьезный стоял: «Издательство «Правда». Белый такой конверт... У меня все обвалилось внутри. Потом вспыхнуло перед глазами театральным золотым светом. Будто занавес взвился над судьбой. Мы открыли письмо, достали тоненький трепещущий листок фирменного бланка «Юности» (помню, там в уголке была эмблема журнала: круглое девичье лицо с пшеничными колосьями вместо волос), на котором было написано: «Ваш рассказ прочитан, понравился, планируем печатать его в январском номере 1971 года. Срочно пришлите фото».

Мы бросились искать по всему дому приличную фотографию, что было немислимым делом: на одной я рожу корчу, на другой мне кто-то сзади рожки подставил... Наконец нашли, вроде с культурным выражением на физиономии, но опять беда: фотография-то пляжная. Стою я в купальнике, на фоне гор. Папа говорит: «Если вот так отрезать, по плечи, то лямки купальника можно принять за лямки сарафана».

Мы отрезали и послали в редакцию заказным письмом.

Можете вообразить мое потрясение, когда потом на этой фотографии, опубликованной в журнале, я увидела пририсованный к моей тощей шейке школьный воротничок. Вот тогда я поняла – на уровне интуитивном – нечто очень важное. Не стоит писателю раздетым щеголять. Его все равно потом разденут все кому не лень, срывая с него фиговые листочки писем и дневников.

Так началась моя литературная карьера. В то время я еще не предполагала, что это – моя будущая дорога, которая впоследствии станет целым трактом, со своими верстовыми столбами, постоянными дворами и придорожными кабаками...

– А в классе-то как ребята отнеслись?

– Смеялись. Решили, что это очередная моя хохма. Я ведь была таким классным шутком. Но математик наш, Игорь Абрамович, очень строгий учитель, он меня гонял как сидорову козу, часто за дверь выставлял... окинул ребят своим пронзительным взглядом поверх очков и сказал: «Идиёты! Лет через двадцать вы будете хвастать, что учились с ней в одном классе».

И как в воду глядел: сейчас в разных концах земли ко мне после выступлений подходят неизвестные мне пожилые личности и задорно говорят: «Давай вспоминай меня!»

А я, черт, ну никого не помню – такой врожденный порок! Не могу же я каждому объяснять это...

– Но столь ранний литературный успех – действительно уникальный случай, повод для зависти сверстников... Повод загордиться...

– С какой стати, боже мой? Послушайте, я видела в своей жизни столько вундеркиндов, из которых ни черта не вышло. Встречала десятки пишущих девочек и мальчиков, которые уже в тринадцать лет учились на первом курсе университета или после школы триумфально поступали в Литературный институт имени Горького... Заканчивали его и становились обычными чиновниками, какими-нибудь редакторами в газетах. Все эти ранние достижения

ровным счетом ничего не значат и ни о чем не говорят. В моем случае это просто улыбка судьбы, такая Золушкина планида.

- Литература сразу воспринималась Вами как работа?

- Когда я строчила всю эту ерунду? Ну, какая там работа, помилуйте. Наоборот – бегство от работы, от учебы. Тем более представьте мое потрясение, когда выяснилось, что за публикацию мне положен гонорар. И какой!!! Мне прислали из «Юности» перевод – девяносто восемь рублей! Вы сейчас не можете вообразить, что это за сумма была. Ведь сто двадцать рублей – это зарплата инженера, врача, педагога. А тут мне, соплячке, за какую-то наглую писанину, которую я строчила на уроках математики, прислали аж девяносто восемь рублей...

Помню оторопь родственников. Мгновенный пересмотр всех ценностей.

Мама сказала: «О-о-о, мы должны что-то купить, чтобы у тебя осталась память о твоём первом гонораре».

Мы пошли на рынок (дело происходило в южном городе, в Ташкенте, со всеми вытекающими из этого обстоятельствами: куча эвакуированных и оставшихся там одесситов, дикая жестикуляция, дикий темперамент, характерный одесский говорок)... На подходе к вещевым рядам из какой-то подворотни нас поманила спекулянтка. Темная личность, толстая баба в засаленных бриджах. Спросила:

- Вы шо-та ищите?

Мама в ответ:

- Почему это вас волнует?

Та говорит:

- Я вижу: такая хорошая девочка, такая хорошая мама, вы должны ей шо-та купить.

- А что вы имеете? - спросила мама.

- На ваше счастье, имею последнюю кофту такого цвета, шо вы рухнете!

- Интересно взглянуть...

И та вытаскивает из мятого пакета розовую кофту, страшного, я бы даже сказала, мучительного цвета, с такой фиолетовой искрой, что-то невероятное. Мама сказала:

- Допустим, цвет нежный. И сколько?

- Пятьдесят.

- Ско-о-олько?! Ой, дайте я вас разбужу!

- Да вы рукой пощупайте!

- Что мне ее щупать за такие деньги!

- Это же чисто-шерсть!

Как черт нас дернул, купили мы эту кофту. И спекулянтка сказала:

- Шоб вы в этой кофте ее замуж выдавали!

Замуж я, надо сказать, выскочила рано, кофта должна была бы дожить до этого знаменательного события, но не дожидла. По-моему, она облезла тут же, пока я дошла до дома. «Зато, - сказала мама, когда я надела обнову, - зато у тебя останется память на всю жизнь».

Это был мой первый гонорар.

А потом я стала посылать в «Юность» другие свои рассказы, их продолжали печатать; вскоре я переползла во «взрослый» отдел прозы. Словом, на протяжении нескольких лет это был такой странный, исключительно почтовый роман между провинциальной девочкой и столичным журналом.

Но после того как вышла повесть «Когда же пойдет снег?» и была инсценирована и поставлена на сцене московского ТЮЗа (мне уже было 23 года, возраст почтенный) – ситуация круто изменилась.

Меня пригласили на премьеру спектакля. Я впервые оказалась в Москве и наконец познакомилась с сотрудниками журнала «Юность», побывала в редакции – на площади Маяковского...

– Интересно, как чувствуешь себя в двадцать три года, когда видишь на сцене своих героев?

– Ужасной идиоткой себя чувствуешь. Я приехала и сразу попала на генеральный прогон. Сидела в пустом зале – щуплая, в новых джинсах, в черном свитерке... и растерянно глядела на сцену, по которой бегали дяди и тети вдвое старше меня, проговаривая вслух слова, которые вот в этой черепушке родились.

Там еще какая вышла история... В повести у парня и девочки погибает в авиакатастрофе мать. И художник спектакля, недолго думая, взял мою фотографию из журнала «Юность», перерисовал ее в виде «портрета мамы» и повесил на сцене. Так что на протяжении всего действия «дети» то и дело обращались к этому моему портрету, трагически произнося что-нибудь вроде «покойная мама... когда мама погибла... если бы мама была жива...». А я, понимаете ли, тут сижу, вполне живая, и, в общем-то, планирую еще чуток пожить... Знаете, это было довольно зябкое ощущение. Вот тогда я поняла, что искусство – страшная штука! Мой текст, мои мысли, мои чувства, лишь только появляются на страницах журнала или книги, принадлежат уже не мне. Рассказ, повесть вдруг становятся неким совершенно отдельным от меня явлением, которое гуляет в пространстве, в мироздании – само по себе. И у произведения, как у человека, выстраивается своя судьба.

Однако самым ужасным оказалось... кланяться со сцены. Вот вы когда-нибудь кланялись? Попробуйте. Это серьезное испытание. Все глаза на тебя

устремлены. Тело твое становится деревянным, и не сгибается – ни в шее, ни в корпусе. Помнится, у меня сгибались только колени, и я так неловко слегка приседала, болтая руками, как будто книксен делала... Ужасно! Не помню ничего более страшного в своей профессиональной деятельности...

А в двадцать четыре года меня угораздило стать членом Союза писателей – самым молодым в стране.

– Это было лестно?

– Это было странно.

Вступить в Союз писателей СССР, то есть стать писателем патентованным, проштемпелеванным, в те времена было не легче, чем стать членом масонской ложи. Это был магический круг, переступить который следовало как-то хитро, чуть ли не заклинания творя: членом Союза мог стать автор двух изданных книг; с другой стороны, издать книгу мог только член Союза... Это был нормальный бред советской жизни, одно из его проявлений. Помнится, замечательный поэт Вадим Левин рассказывал о своих многолетних мытарствах на этом поприще. Не кто-нибудь, а Борис Заходер пытался протолкнуть его в Союз писателей, провести сквозь Сциллу и Харибду приемной комиссии. Ничего не помогало. Однажды Заходер пробормотал:

– Возможно, придется Михалкова просить...

Вадим Левин осторожно спросил:

– Борис Владимирович... А разве Михалков – хороший человек?

Заходер ответил с непередаваемой горечью:

– Вадим, хорошие люди еще никогда никому не могли помочь...

Но я-то жила в благословенной «провинции у моря», где с благоговейным трепетом относились ко всему, что происходило в имперской столице. Мои публикации в столичном журнале наводили местных писательских бонз на

мысль о неких моих возможных связях там (!) с кем-то, кто... Словом, судьба продолжала выписывать затейливые узоры, как пьяный на велосипеде, и я въехала в Союз писателей на жеребьячем энтузиазме доверчивой юности.

В то время я еще «не изрослась», как говаривала моя бабушка, «из своих идиотских штук». И когда приезжала в официальную и холодную во всех смыслах – в отличие от Ташкента – Москву, частенько провоцировала разные забавные и острые ситуации. Например, мне доставляло удовольствие задирать вахтеров ЦДЛ – Центрального Дома Литераторов.

Картинка по теме:

В те годы – не то что сегодня – это было весьма солидное заведение, цитадель советских писателей, трубадуров советской идеологии. Войти в особняк – бывший дворец князей Олсуфьевых – с баром, буфетом и великолепным рестораном в знаменитом Дубовом зале возможно было только по билету Союза писателей. На что бабки, вахтеры в ЦДЛ, были отлично натасканы и с успехом могли служить сторожевыми псами на колымской зоне.

А я, повторяю, щуплой была, совсем несерьезной особой, на вид подросткового возраста. И вот, с восторженной физиономией провинциала я устремлялась мимо дежурной овчарки в фойе заветного особняка...

Сразу же – как выстрел в спину – несся вопль:

– Сто-о-ой!!! Ку-у-уда?!

Я послушно сдавала назад, робко подходила к бабкиному столу на входе.

– Эт куда, интересно знать, ты так резво несешься, а?!

– Покушать... – докладывала я доверчиво. Я неплохая актриса. – Тут ведь... э-э-э... есть буфет, мне сказали?

– Тут все есть! – отвечала всемогущая бабка с ядовитой улыбкой. – Только не для тебя.

- Э-э-э... почему? - искренне удивлялась я.

- Да потому, что билет надо иметь, билет, ясно?

- Проездной? - уточняла я, кротко и даже преданно глядя в бульдожью ее личность.

- Ка-а-кой проездной, хосподи?! От бестолочь, а! Билет! Союза! Писателей! Поняла?! Так... давай, пошла отседова! Давай-давай, времени на тебя нету!

- А... так вы, может, имеете в виду... - Тут я принималась суетливо и подробно обхлопывать свои карманы. Проходила минута... две... Я доставала и роняла на пол платочек, кошелек, троллейбусные талоны. Бабка наливалась свекольным соком. По сути дела, это была неплохая цирковая реприза. Когда, как мне казалось, пауза достигала кульминации, я наконец извлекала из заднего кармана джинсов заветный красный билет.

- Может, этот? - подобострастно спрашивала я.

Бабка бросалась коршуном на билет, так как ясно же, что это не мой. Наверняка какой-нибудь бородатый «член» выдал свой билет очередной шлюшке - попользоваться...

Это, знаете, был высокий момент - когда старуха раскрывала красную книжечку в предвкушении аппетитного скандала и... и упиралась в мою фотографию. Глубинный катарсис. Шекспир! Шиллер! «Кольцо Нибелунгов»... До сих пор я с удовольствием вспоминаю эти немо жующие губы, эти трясущиеся бульдожьи брылы стражей порядка.

- Да ведь так можно и до удара женщину довести!

- Можно. Я и сейчас никогда не упускаю случая поставить на место хама... Это моя охота.

Так вот, единственный раз меня пропустили в ЦДЛ без проверки. Это случилось в день знакомства с моим будущим мужем, Борисом. Узнав, что у этого симпатичного, хотя и бомжеватого на вид художника сегодня день рождения, я пригласила его посидеть в ресторане ЦДЛ. Вот тогда нас пропустили не глядя – дело в том, что у Бориса, с его благородной лысиной и окладистой бородой, уже в то время была внешность классика. А то, что пальтецо худое... так, может, свое вчерась пропил. С классиками здесь всякое бывало. Вахтерша ни на мгновение не усомнилась в наличии у него заветного писательского билета. Почтительно кивнула... ну а я уж бочком протырилась. Мало ли кого классики могли с собой привести из женского полу...

Между прочим, мы до сих пор вспоминаем, что за 12 рублей наелись в тот день в ресторане знаменитого Дубового зала ну просто от пуза! А вокруг сидели – это был особенный урожай – сплошные знаменитости. Я наклонилась через стол и сказала Борису:

– Обратите внимание: за столом направо сидят такой-то, такой-то и такая-то. А за столом налево сразу пять звезд, как на хорошем коньяке: такая-то, такая-то и такой-такой-такой...

Художник послушно повертел головой, взглянул на меня своими блестящими карими глазами и сказал с мягким украинским выговором:

– А по-моему, мы с вами здесь самые симпатичные люди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://telnovel.com/dina-rubina/bol-no-tol-ko-kogda-smeyus>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)